

КНИЖКА СЪОБЩАВА ЗА СЪВРЕМЕННИ
СЪБИТИЯ В НАШОТО ВРЕМЕ

КИРНОС С.В.

ДОРОГОЙ СКОРБИ:

"ДОЛИНОЙ СМЕРТНОЙ ТЕНИ"

16+

Степан Кирнос

**Дорогой скорби:
«Долиною смертной тени»**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Кирнос С. В.

Дорогой скорби: «Долиною смертной тени» / С. В. Кирнос —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Азариэль спас Тамриэль от посягательства чемпиона губительных сил и отошёл на покой. Он затаился в небольшом монастыре на юге Коловианских гор, но ему не суждено мирно провести время. Последняя попытка, реванш зла заставляет его оставить тихую жизнь и снова взяться за меч. Тем временем объявляется новый и опасный культ. Он захватывает всё больше земель и умов. Эльф, проповедник и гоблин выступят против угрозы, зависшей над миром, но хватит ли у них сил справиться с ним? Последнее путешествие Азариэля начинается.

Содержание

Глава первая. Монастырь и политика	6
Глава вторая. Последнее задание Имперской Разведки	16
Глава третья. Проповедники Единого	18
Глава четвёртая. «Очи Империи»	25
Глава пятая. Перед ликом государевым	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Степан Кирнос

Дорогой скорби: «Долиною смертной тени»

«Эвенар балок. Есть голод, который лучше терпеть, чем утолять. Дре ни накоп. Если ты не поддаёшься искушению в малом, это помогает кванар... отказываться от большего».

– Партурнакс

«Я делаю то, что должен делать. Я не могу остаться, чтобы восстановить Тамриэль. Эта задача ляжет на плечи других».

– Мартин Септим

«Идти против императора, значит идти против Бога».

– Доктрина Алессианского Ордена.

Глава первая. Монастырь и политика

Южный Тамриэль. Третья эра, двести восемьдесят четвёртый год.

Утреннего рассвета, в виде сияющего солнца и его тепла не было, ибо небесное светило скрылось за облаками, что отбросили эфемерную тень на Сиродил. Тут, в горах на юге Коловии, прекрасно чувствуется наступающий холод, приходящий с северными ветрами. Но ничего не может сломить стойких жителей тайного монастыря, которые ведут тихий и уединённый образ жизни, проводя её в молитве и труде.

Сам монастырь являет собой образ редкого архитектурного стиля – сиро-нордская холодность, с простой практичностью, в которой встречаются оттенки изящества в виде статуй и барельефов. Это комплекс строений, уютно расположенный в скальной ложе – два больших серых «рукава» под настилом алой черепицы исходят от высокого срединного строения, похожего на церкви Империи, но ею не являющегося, образуя практически замкнутый квадрат.

Там, в самом главном строении подходит к концу то, для чего выстроено оно. Оно напоминает огромную часовню – по бокам, у высоких стен нагромождены статуи, подле которых стоят лавочки. Через витражные окна проникает обильно тусклый свет пасмурного дня, освещающая просторное помещение. А в самом конце громоздится алтарь – большая каменно-мраморная плита, на которой слепят глаз два золотых сверкающих кубка. Возле него, сложен каменный жертвенник из грубых нетёсанных камней, в которого вмонтирована большая железная чаша. На её дне покоятся красные раскалённые угли, вместе с догорающими остатками благовонных палочек, наполнивших просторы приятным сладким ароматом ладана.

На молодом высшем эльфе с распущенными серебристо-седыми волосами не было ничего, кроме лёгкой серой туники с поясом и сандален. Он приготовил жертву – хлебные лепёшки и жертвенник, где воскурит её. Соблюдая весь ритуал, он добавил в жаровню ещё угля и горючего вещества правой рукой и отражение огня заиграло на металлической конечности, напоминая о боли прошлого. На дне зародилось яркое пламя, осветившее тунику. Эльф с золотисто-пепельной кожей поднёс хлеб и опустил его в огонь, который пожрал жертву и альтмер узрел пламя чистоты, с которым явились и образы сегодняшнего сна.

На мгновение потомок Саммерсета отвлёкся от священнодействия и вспомнил ночные грёзы. Там он видел воина в сияющих доспехах, с чёрным волосом и прекрасным лицом. Он покинул знатное семейство Нибеня и пройдя испытания встал в один ряд с лучшими воинами древнего Ордена, и тьма пыталась его поразить, но не могла. Он гордо шёл в древней Цитадели и его славил, как достойного брата, который сам себя превозносил над сродниками по оружию. Воитель был славен и искусен, мастер в битве и ревностный в служении. Сон подарил ему видение того, как великий воин в гордости и спеси, уверенный в своей силе бросился в сражение древних крипт, где-то в Морровинде, но был сломлен древней силой... эльф во сне видел, как ломали воина – предлагали любовь и пищу, золото и удовольствий, от которых содрогалась плоть. Но это его не брало и тогда великий враг, зная слабость человека явил ему то, что было милее всего – властолюбие, гордость, честолюбие, власть и похвалу. Льстивыми обещаниями голос предрёк ему великую судьбу, и показал яркие картины того, что его ждёт – своё царство, слава и почёт, торжество и бесконечные похвалы от знатнейших людей и братьев, да сестёр по Ордену, чутко дёргая крючками за душу рыцаря. И внимая тёмным посулам нечестивой славы, человек сломался... он принял то, что готов служить тому, кто исполнит желаемое. А дальше эльф помнит, что происходило... тьма захлестнула Орден и воин, который должен был его защищать, стал погублением для него. Но в конце сновидения эльф-юноша увидел нечто странное – крылатое человекообразное существо в ярких ослепляющих доспехах,

указывающее огненным клинком на камень в виде четырёхконечной звезды, а над ним красно-тусклым пламенем горело – «Погибель Ильгамеша».

Парень унял воспоминания о сновидении и продолжил священнодействие. Ему осталось только совершить благодарственную молитву, чтобы жертва хлеба была угодна, чтобы она послужила для прославления и искупления грехов. Эльф поднял руку и обратил их вверх, концы пальцев «посмотрели» на алую завесу в храме и раздался чуть хриплый голос:

– Благословен Ты, Единый. Похвалите Единого с небес, хвалите Его в вышних. Все Слуги Его, хвалите Единого. Восхвалите Его все живущие в мире сем, ибо велик Ты, Единый. Прости и отпусти нам наши согрешения, дай исцелиться нам от язв душевных, славный Единый. Слава Тебе, Единый.

Молодой эльф закончил хвалебно-покаянную молитву и опустил руки. Нефрит его взгляда уставился на хлеб, который стал учёным угольком, дожираемый пламенем. Носом он ловит приятные ароматы воскуренного ладана и фимиама, которые заполнили весь храм. Служение в виде приношение утренней жертвы окончено, и он может быть свободен от него. Но утро оставляет за собой тяжесть на душе и особенно волнует вопрос о сияющем крылатом существе и странной надписи, однако стоит оставить эти воспоминания на будущее и жить дальше.

Парень вышел на крыльцо храма. Там его волосы подхватил лёгкий ветерок с прохладой обдувший лицо. Он узрел внутренние виды монастыря – крестообразную дорожку, и зелень вокруг неё, справа и слева в постройках располагались некогда кельи многих послушников, но запустение ныне тут торжествует. Взглянув на право и лево эльф вспомнил, что ему говорил его учитель об этом месте – древний монастырь, где чтут Единого, где некогда шли службы и собралось множество людей, меров и зверорас, дабы учить закон Божий и нести Его слово... но всё пошло прахом, ибо в тот момент, когда Алессианский орден пал, ополчились сердца против Единого. С тех пор это место медленно приходило в запустение, долгие века оставаясь в хаосе забвения, до тех пор, пока сюда не пришёл он.

– Азариэль! – послышался крепкий звонкий, но в тоже время грубый голос. – Ты всё dokonчил?

Справа, с келий, где сейчас расположена небольшая кухня и хранилище пищи, ступает высокого роста мужчина. На нём тёмная тканевая ряса, в руках посох, а на кожаном ремне покоится книга. Обычно его лицо скрывает капюшон, но сейчас он откинут назад и альтмер зрит сиро-нордское лицо своего учителя – отмеченной приближающейся старостью чуть вытянутое, с бородой, с которого на парня смотрят орехового цвета глаза. Его шаг широк и быстр и ступая по выложенной камнем дорожке он вскоре оказался подле своего ученика.

– Да, учитель, я завершил утреннюю молитву, – чуть дрожащими от холода губами пошевелил парень.

Азариэль не знал настоящего имени этого человека, ибо за прошедший месяц он так его и не назвал. Сколько прошло занятий по изучению Писания, противостояния нападкам тёмных сил, истории Алессианского ордена, и учитель так и не раскрыл его, всё время указывая себя называть на драконисе – Варкут'нель-Гайн[1].

– Добро, Азариэль. А сейчас удалимся от седа, нам снова нужно заняться постижением Писания.

И парень двинулся за своим учителем, который повёл его в свою калию, которую смог оборудовать для обучения.

Тридцать дней парень учится у, наверное, последнего служителя Единого. За это время они восстановили главный храм, кухню и пару келий, а также подземную секцию библиотеки. Это очень мало, но всё же, после того, что Азариэль пережил, через что прошёл, он рад обратить душу свою к блаженному покою молитв и труда.

Тяжёлые воспоминания напомнили Азариэлю, что он некогда был рыцарем, охотником за нечистью, бандитом и пьяницей, а потом скатился до союзом с темнейшим из зол. И в итоге всё это привело его сюда, в этот заброшенный монастырь, где эльф всё-таки обрёл покой, когда ощутил, как его коснулся десницей Своей, Тот, Кому служит парень. И альтмер не хочет покидать это место, желая исцелить душу затянув раны, избавиться от статного прошлого и стать лучше ради жизни, грядущей.

Азариэль потёр руки, старательно их отогревая и посмотрел на учителя. Немногословный, но преданный в служении Варкут'нель-Гайн, стал для парня тем, кто открыл для него новый мир, обучая его премудростям, собранных в Писании – главной книге Алессанской ортодоксальной церкви – крыла ордена, ставшего наиболее радикальным в своих верованиях.

– Учитель, вы так и не рассказали, что вас привело сюда? – спросил Азариэль, но человек оказался глух к его вопросу, и парень снова вопрошает. – Учитель, это просто удивительно, что вы смогли столько времени хранить веру... в условиях такого мира.

– В своё время, ты всё поведешь. А ныне, нам потребно на учёбу.

Они поднялись по ступенькам и ступили в область длинного строения. Миновав пару колонн и шаркая сандалиями о каменно-плиточный пол. Они вышли к деревянной двери одной из келий. Пройдя в неё, Азариэль уставился на знакомый стол с книгой, принадлежности для записей – потрёпанное перо и мутная чернильница. Стены – мрачные, серые, и единственные источники света – лампада и окошко в двери.

Но парень рад тому, что оказался в помещении, где мог прильнуть к теплоте, исходящей от светильника, слабо горящего на столике. Азариэль уже знал, что необходимо будет делать, а поэтому быстро подошёл к столу и сел за него, подвинув небольшую квадратную табуретку. Азариэль глубоко задумался, пока Варкут'нель-Гайн сел за кровать и стал листать ветхие страницы большой книги, чья обложка обтянута чёрной тканью.

Азариэль призадумался и вспомнил свой первый урок. Тогда, месяц назад, когда все его мышцы, всё его тело выворачивало от боли, а душа была его изранена, изорвана в бесконечных муках и терзаниях. И тогда он получил первое знание – милость Единого безгранична и способна ослабить любую боль, но Единый не может нести спасение истинной веры кому-либо, если сам спасаемый не захочет. Тогда, в то время, ощутив веяние слабого ветра, проняв теплоту на душе, парень осознал – он хочет здесь остаться. Усталый и избитый, лишённый практически всего, несущий столько духовных язв, он пришёл сюда, как блудный сын возвращается к Отцу, его объяло согревающая бесконечная и живая любовь, и принял решение – обучиться и нести слово людям, мерам и зверорасам, чтобы они знали, кто есть их истинный Творец.

– Так, давай повторим уже одоленное, – строго начал учитель, перенёсшись взглядом на первые страницы толстой книги и сидя на простецкой кровати, мягкая часть которой – ткань и пожухшая растительность. – Как был сотворён мир, согласно первой книге Писания?

– За семь дней. Согласно первой книге, Единый сначала сотворил небо и землю. Затем Он отделил свет и тьму. И из воды вышла всяка тварь живая и земная. Обычно создание земли и небес и всего мироздания, связывают с работой Ану и Падомай, но это заблуждение имперских мифологов.

– Как были созданы разумные существа, согласно Писанию? Как появились эльфы, люди и зверорсы? – не унимая строгости вопрошает учитель. – И духи?

– Ох, – тяжело задумался Азариэль, вспоминая витиеватые строки Писания, в которых очень легко запутаться. – Изначально Он создал существ света – «амаралдане'ада»[2], по сущности которых были сотворены бесчисленные младшие духи. После этого Единый взял от земли прах и вдохнул в него жизнь, решив воздвигнуть существ по образу и подобию Своему. И поставил Он их жить в саду прекрасном и двенадцать прекрасных миров на небосводе радовали им глаз, первоизданным существам.

– А как случилось первое падение?

– Один из «амаралдане’ада», с именем Падамаэль восстал против Единого, желая свергнуть Его и занять Его место. С ним взбунтовалось и несколько духов, которые так же возжелали власти. Но были изгнаны они Ануэлем и сторонниками Единого и брошены с небес во время великой войны духов. Но остались те, кто оказался нейтрален к ним.

– Но все ли они нейтральны? – вкрадчиво спросил Учитель.

– Нет. Нейтральность... в чистом виде невозможна, – вдумался Азариэль, опустив голову. – Они делают и добро, и злое... они как смертные, так же подвержены до суда выбору.

– В Империи они чтутся как божества – и даэдра, и даэдра и магне-ге. Так ли это?

– Нет, – продолжил так же вдумчиво Азариэль. – Бог же Един... если богов несколько, то по своей сути один может поразить другого, что исключает божественность, ибо Бог – абсолютен, безначален, бессмертен и бесконечен. А «амаралдане’ада» имеют начало, они ограничены пространством и временем, а могущественны они настолько, насколько позволяет Единый. Даэдра – приспешники древнего мятежа, желающие занять место Единого, аэдра – нейтральные сущности, помогающие смертным, но отказавшиеся ходить в полной славе Единого, магне-ге же предпочли помогать истинным верным слугами своего Отца.

– А как же существа из множества других измерений?

– Творец создал множество обитателей и все те, которые не в Тамриэле – «дома» иного мира. Для одних – воздвигся многочисленный Обливион, другие пребывают в Мундусе, и других состояниях, как возможно те... Небесные.

– Хорошо, а как произошло второе падение? – всё продолжается допытываться учитель. – Как получилось так, что получились эльфы, люди, зверорасы и прочие?

– Когда Падамаэль пал, его гордыня и злоба разожгли в нём огонь ненависти к любви, и он решил ударить по любимым творениям Единого, мирно жившим в его саду-крепости. Льстивыми и злыми речами он соблазнил первозданную деву и сказал, что если она изопьёт из запретного источника, воды сладкой и желанной, то поймёт, где есть добро, а где есть зло и станет словно бог. Она же прильнула устами к нему и пить первозданному мужу дала и тогда ниспала с них благодать Единого, которая покрывала их и не давала зреть наготы друг друга. И обратился к ним Отец их для того, чтобы они попросили прощения, и остались бы в саду-крепости, но каждый из них стал обвинять другого и сказано было идти им из дома своего.

– Хорошо, Азариэль, – в глазе учителя можно было найти намёк на снисхождение. – А как появились расы?

Азариэль кивнул и на мгновение задумался. Он плохо помнил строки этой книги, а поэтому ему нужно собраться с мыслями, зацепиться за обрывки воспоминаний и наконец-то сформулировать ответ.

– Э-э-эм... ах да. Когда изгнаны были первый муж и жена, стали они детей рожать и со временем вышло большое потомство у них, которое расселилось по первозданному Тамриэлю. Долго они жили и разделились сначала на две части – сначала были те, кто принял единение с природой в первобытности своей, да повадках и те, кто стали строить цивилизацию. Первые нареклись зверорасами, ибо повадками и нравами, уподобились скотам земным. Вторые стали нареклись эльфофеями, но и среди них произошёл раскол. Те, кто приняли в чистые души дар от Магнуса, стали эльфами, те, кто предпочли в большей жить по делам материи, инструментов и практичности, превратились в людей, хоть и они не пренебрегают даром Магнуса, который испросил от Единого подарить частичку могущества... что не мешает иногда употреблять его во зло.

– Хисты? А что с ними? Что говорит об этом Писание?

– Это древние существа, одни из «амаралдане’ада», которые были поселены Единым на одном из двенадцати миров и должны были даровать прекрасный сок, но впоследствии они поддержали мятеж против своего Отца, за что были изгнаны, а обиталища их опустошены, – монотонно заговорил Азариэль. – Они связаны с теми, кто потом стали аргонианами... по

ошибке ящеры считают, что перерождаются, а хисты дают им воспоминания, но это всего лишь уловка. Души, после смерти ступают в нематериальные или истончённые обители высшего порядка, но хисты убеждают аргониан в том, что они перерождаются, внушая им лживые воспоминания. И народы Аргонии настолько тесно связываются со своими хозяевами, что по смерти хиста может умереть всё население, связанное с ним.

– Хорошо. Про народы и расы, про первичную историю Тамриэля ты помнишь, чтобы дать отпор служителям Имперского Культа и прочей ереси, – уверенно и грозно говорит учитель. – А теперь расскажи, почему сторонники мятежа и противники Единого могут иметь такую силу, которую имеют над некоторыми народами сего мира?

– Наша свобода удивительная материя бытия, – парень поднял взгляд на своего учителя, мерно перебирая слова. – Мы сами отдаёмся во власть тех или иных сил. Природа наша повреждена отступничеством прапредков и воля наша слаба, власть зла сильна над этим миром, который проклят и обречён великому суду, – сокрушением и скорбью молвит Азариэль. Если мы отдаёмся во власть других сил, то благодать Единого отступает, и они могут с нами делать всё, что заблагорассудится. Только служение Единому может хоть немного покрыть нас от проклятого духа сего мироздания.

– Хорошо, – Варкут'нель-Гайн открыл книгу, тихо и «крепко» говоря. – Сегодня я расскажу тебе о Шеззаринах. Мы практически закончили изучение Книги Существа в части Бытия и Закона Писания. Сейчас я перейду ко Книге Законов Вторых, – после этих слов, наставник стал листать ветхие страницы.

Азариэль, под слова учителя и шум перелистывания мельком вспомнил части Писания – Бытие и Закон, где рассказывается о создании мира и падениях, первых свершениях новых обитателей мира, о том, как они бродили по континентам, как их покидали и как мудрые вожди, всё ещё чтущие веру в Единого общались с Ним и боролись против набирающих силу новых культов, а так же сущность законов, которые дал Единый Своим последователям через избранных; вторая часть – Морокай Квост или перевода с дракониса – «Мудрые Прорицатели», в котором раскрывается вся сущность тех немногих, сильных волей и духом, крепких в вере, которые продолжили хранить веру в Единого, нести Его слово им укреплять в благочестии каплю в море, оставшуюся верными Истине, когда, казалось, про Него совсем забыли; и История Ордена – часть Писания, где рассказывается о том, как был зарождён Алессианский Орден, как он процветал и насаждал истинную веру и как он пал, под хлётскими ударами судьбы.

Но парень отвлёкся, его взволновала мысль, и он тут же её озвучил:

– А кто такие шеззарины?

– Отрок, – голос наставника сделался суровее и на Азариэля уставился тяжёлый пронзительный взгляд, – я не стану спрашивать, почему твой дух это увлекло от учёбы. Я скажу лишь то, что старайся сосредоточенно меня слушать и внимать.

– Хорошо, учитель, – повинно выдохнул парень.

Служитель Единого заметил, как его ученик коснулся душой печали и смилоствивился, холодной речью неся ответ:

– Шеззарин... это вечный аспект, проявление одного из «амаралдане'ада», по имени Шор. Он был поставлен Единым, как покровитель баланса, со времён великого первого падения всё расстроилось в нём. Он был дружен с Лорханом, тем «амаралдане'ада», который поддержал Единого при создании мира земного. Нет, это не одна и та же личность, это избранный воин, который вдохновляется Шором по попущению Единого, чтобы восстановить баланс в мире. Да ты и сам можешь найти эти строки в Первой Книге Ордена, главе двадцать третьей, вроде.

Азариэль, быстро пролистав книгу, нашёл и прочитал эти строки:

«И по подобию того, как был послан Пеленал Вайтстрейк, будут посланы сыны и дочери «амаралдане'ада» того, который нарёкся другом расе людской, который общался с тем, кто рад

был мысли могучей Его по обосновании тверди земной. И будут они исполнителями воли Его в святом замысле баланса. И будут чужды множеству силами и способностями своими, и не многие станут ходить в святости Единого, ибо прокляты проклятью мира сего они».

– А теперь, давай вернёмся к Книге Законов Вторых, – стал сурово говорить наставник. – У меня не хватит времени, что бы всё тебе преподать... стар я уже, поэтому начнём сразу с основного. Эти законы и установление, есть продолжение Главного Духовного Установления, которое было дано в первой части Писания. Повтори мне его.

Высший эльф задумался, обращаясь к памяти и вынимая оттуда строки:

– В десять заповедных установлений дан этот закон. Есть Единый и нет богов кроме Него; Не сотвори себе кумира для поклонения и подобия бога, ни где и никак, не поклонись и не служи им; Не упоминай имени Единого в суеде мирской; Помни день отдельный для Единого, отданный, шесть дней твои свои дела, а седьмой Ему посвети; чти сродников – отца и мать своих, дабы долголетнее был на земле; Не убий кого-либо; Прелюбодеяния с кем-либо не сотвори; Вещи чужой не укради; Свидетельства ложного не скажи на ближнего твоего; Не возжелай ничего ближнего твоего – ни жены его, не дома, ни имущества его иного, ничего, что есть у ближнего твоего.

– Очень хорошо, – в интонации учителя можно было заметить оттенок радости. – Ты усвоил знание Главного Закона нашей веры. Тридцать дней труда не прошли для тебя зря.

– Ох, если бы меня увидела Лира, то точно бы не узнала, – чуть усмехнулся парень, но увидав чугунный взгляд учителя, успокоился.

– Это ты всё про ту девушку, с которой намеревался быть вместе? С которой ты ходил в том походе против тьмы?

– Да, учитель, – уголки губ Азариэля чуть приподнялись, когда его ум наполнился тёплыми воспоминаниями о девушке. – Мы с ней были знакомы с того, момента, как я попал в Орден Магнуса.

– Ты мне о ней практически ничего не рассказывал, – речь учителя стала более лёгкая, не давящая на душу, он закрыл Писание и сложил руки на груди. – Если можешь, поделись о ней знанием.

– Так и времени практически не было. Мы же с вами сколько сделали. Пополнили припасы, восстановили храм и пару келий.

– Полно-полно, – чуть поднял ладонь старый мужчина, продолжая с нравоучением. – Ещё многое предстоит трудиться, и ты это знаешь. Мы порядком поговорили об учёбе, и ты выказал себя добротным учеником. Можно и взять небольшой перерыв. Ты с ней с Ордена знавался?

– Да, учитель, – парень выпрямился, ощутив эмоциональное расслабление, отступив от учёбы. – В Ордене мы познакомились. Она в меня влюбилась, но кодекс запрещал иметь отношения. Вы представляете себе, какая несправедливость?

– Сие есть палка о двух концах, мой юный ученик. Воздержание нужно иметь для стяжания добротного служения, а вы не ходили в свете Истины. За обиды многих, за злобу и ярость души, потянули губительные силы и подняли брата на брата, сестру на сестру, – вдумчиво твердит Варкут'нель-Гайн. – Но и для того, чтобы соблазнов меньше было, воздерживались вы... я не мудр настолько, чтобы ответить на твой вопрос.

– Ладно. После того, как Люций устроил раскол в Ордене, она присоединилась к нему, надеялась, что если поддержит его, то мы сможем быть вместе. Но всё кончилось плачевно, – Азариэль не хотел говорить об этом, ком горечи подкатил к его горлу, когда возникли перед глазами образы мёртвых друзей и объятой пламенем Цитадели.

– Понимаю, – мягко произнёс мужчина.

– Мы встретились в подземном храме даэдра. Там она меня спасла от убийцы и с тех пор мы снова сдружились. Она спасла меня и всю кампанию, когда донесла имперской разведке, вроде о наших планах. А ведь мы тогда в тюрьме сидели... прекрасная девушка, в общем.

– А потом вы ступали по Тамриэлю в борьбе с нечестью?

– Да, учитель. Но прошли мы немного... она была ранена в битве в эльсвейрской пустыне в бою с колдуном. Её выходил легион, после чего мы с ней в последний раз встретились в Вейресте.

– А какая она тебе запомнилась? – человек, посвятивший жизнь служению Единому, доселе только говоривший о нём, приятно

– Она? Красивая, умная, понимающая... с удивительными глазами и чудесными духами, – после этих слов Азариэль поник лицом. – Но я всё ещё вспоминаю одну высшую эльфийку, которая спасла меня два раза... не знаю, в ней я чувствую больше чего-то родственного. Эти две девушки... странно, почему именно они?

– Запомни, каждый разумный житель этого мира несёт частичку образа Единого, и их душевная краса Его воля на них. Будь то, эльф, будь то человек или гоблин, который сроднился с землёй и скотским поведением – все они есть отражение образа нашего Бога, – далее Варкут'нель-Гайн продолжил более аккуратно и тихо. – Вижу я, ты всё ещё тянешься душой к девам тем. Что ж, дай тебе Единый, поразобраться в себе, но ныне помни, наша миссия сейчас вновь разнести слово о правде по миру.

– Как это делал Юлианн? Он же основатель этого монастыря?

– И не только. Он был основателем ортодоксального крыла Алессианского ордена, – учитель поднялся с кровати и подхватил свой посох – пальцы сомкнулись на древке; Азариэль понял, что его наставнику надело, и он утомился сидеть. – Долга история веры в Единого, получила множество проявлений среди народов этого мира, но алессианцы приблизились ближе всех к выполнению богоугодного дела. Пророк Марук заявил, что с ним говорила Алессия и пал он в прельщении. Мы чтим его, как того, кто насаждал веру, но он впал в ересь, заявив, что люди стоят выше эльфов, именно с его начал было положено великое гонение. Юлианн же противостоял ему в речах своих, настаивая на том, что Единый всех принимает и об этом многократно упоминается в Писании, но люди тогда послушали Марука.

– И это привело к падению Алессианского Ордена, – печально заключил Азариэль. – Удивительно, но именно такая непримиримость потом и привела к поражению в битве на Гленумбрийских вересах.

– Ты прав. У нас нет избранного Единым народа, с кем бы Он заключил праведный завет. Все в Его глазах равных и мир вынужден ждать суда.

Суда? Это как в пророчествах?

– Да, так говорил один из пророков древности – Хат'Захариил. В его книге содержатся пророчества о грядущих бедах и смертях мира.

Внезапно речь Варкут'нель-Гайна прервалась лёгким сотрясанием, идущим снаружи кельи. Стены чуть затряслись и на двоих посыпалась старая пыль, что вызвало волнения и чувство подступающего страха. Парень ощутил, как его сердце снова колотится быстрее и сильнее в преддверии опасности, как чувство опасности бьёт по сознанию.

– Нужно проверить, что там, – сказал Азариэль, вспоминая, что его меч, полученный ещё при службе в Ордене, находится в противоположной стороне монастыря.

Парень оглянулся и смог заметить, как на него блеском начищенного железа «посматривает» старый полуторный меч. Учитель понял его без слов и протянул оружие – простое цельное оружие с метровым клинком и длинной рукояткой. За три десятка дней пребывания тут, парень вновь сомкнул пальцы на оружии, помесь радости или обратного чувства прокралось в душу парня.

Он аккуратно отталкивает дверь и свет заполнил келью, а вместо куска дерева теперь образ монастырского двора, в котором беснуется какая-то тень. Азариэль присел, скрылся под сенью крыши, выжидая явления противника, чтобы оценить его, узнать, готов ли он для встречи с этим врагом.

Двое вышли из посещения и узрели, как над их домом летает странное существо. Сейчас оно со всей силы ударило по стене центрального храма, пытаясь прорваться внутрь, но его словно Кто-то туда не пускал. Дрожь охватила молодого эльфа, когда он увидел, как синее вытянутое тело, покрытое лёгкими чёрными одеждами, удерживаемое двумя огромными перистыми крылами, вьётся над их головами. Его шесть пальцев на четырёх конечностях увенчаны златистыми когтями, а на месте морды виднеется клюв. Парень многое повидал, но такую тварь зрит впервые, отчего ему становится не по себе.

Варкут'нель-Гайн вышел вперёд, оттягивая внимание на себя, и давая Азариэлю преимущество скрытности и неожиданности. Он вышел практически на самую середину двора, приблизившись ко входу в храм.

– Кто ты и что ты?! Что сюда тебя привело?! – прокричал вопросы ввысь мужчина и тварь спикировала едва ли не на него. Все одежды человека подхватились и задрожали от того, что существо ростом в два метра и размахом крыльев в три с половиной резко приземлилось рядом с ним, впившись когтями ног в траву.

– Ах, – клюв выдал шипение, скомканный гнев и клочущее безумие существа, своей рукой, запястья которой скованны золотыми браслетами, он простёр над головой служителя монастыря. – Ты же здесь тут всем управляешь? Ты же тот, кто воскуривает жертвы ничтожному божеству?

Голос твари невероятно искажён, двояк и трясуч, словно речь течёт не из этого мира, она потусторонна, изменена.

– Я – служитель Единого, призванный Им.

– Бха! – усмехнулось существо, касаясь лица и клюв тут же спал с его морды, вместе с золотом, которое облепило щёки – динамическая маска была убрана и предстало на свет прекрасное лицо, синий покров с кожи развеялся, уступив место более светлому окрасу. – Ваши священники уничтожены и рассеяны, некому служить, некому нести проповедь, а ты тут, в одиночестве, пытаешься что-то сделать.

– Зачем ты здесь? – спокойно спросил Варкут'нель-Гайн, опёршись на посох, не теряя сдержанности, пока Азариэль заходил сзади.

– Я пришёл сюда, дабы погасить огонь последнего места, где всё ещё кланяются Единому, – заговорило существо и простёрло руку вправо, словно за что-то хватаясь и через мгновение за золотой жезл, на котором распростёрся золотой штандарт – красное полотнище, на фоне которого странный символ – два чёрных крыла. – Я – Гранд, посланник лорда Молага Бала, в награду за службу получивший совершенные крылья. Я тот, кто несёт слово повелителя в сердца ваших жителей. Мои слуги уже несут яд по венам Империи. Слово моего властелина распространится по Тамриэлю и все поклонятся ему.

– Ты служишь Мологу Балу?

– Да, я служу тому, кого поставил Лорд Бал на распространение его силы, славы и знания, – гордо заявило существо. – Но я вижу, тебя не убедить уйти с моего пути, монах. – Жезл исчез из рук твари и Гранд повернулся телом, словно бы готовясь нанести удар.

Азариэль тихо крался, пока не подошёл почти к хвосту Гранда, с железным мечом. Он понимает, что сражаться с такой тварью этой болванкой будет трудно, но у него нет выбора... парень предчувствует, что сейчас изменённый крылатый сумрак нанесёт удар и ему ничего не остаётся, как броситься.

Гранд интуитивно предвидел нападение и сумел моментально развернуться. Его тело неестественно вывернулось и лезвие клинка утонула в искрах отражённого удара, выпавшие от соприкосновения с браслетом. Сумрак отпорхнул и его когти сверкнули в свете сокрытого солнца. Азариэль отступил, когда молнией тварь устремилась на него и попыталась исполосовать когтями, вытоптав землю. Ещё один шаг и существо сблизилось с ним, резко опуская когтистую ладонь. Парень попытался защититься мечом, но когти впились в железо, крепко в него

войдя и прорезав. Оружие не рассыпалось, но сильно деформировалось, и парень вышвырнул его в сторону, направив взгляд на свою келью, где хранится его давний друг, сразивший Люция.

Но в этот раз в бой вступил его учитель. Несмотря на возраст он оказался весьма умелым бойцом. Его посох наверху обтянут шипастой сталью и мощный удар по коже существа выдавил из него страшный вой.

– Храни нас Единый от всякого зла, – запел Варкут'нель-Гайн, и Гранд отпрыгнул от него, держась за уши. – Храни и дай нам силы, чтобы побороть сторонников тьмы и нести Свет этому миру!

Гранд снова попытался атаковать, но Варкут'нель-Гайн нисходящим ударом пришибил ему руки и существо взвыло диким воплем.

– Единый, отвори нас от всякого зла, дай нам силы биться против тьмы и повергни её Своим праведным светом.

Оттолкнутый праведной уверенностью наставника, посланник даэдра отшатнулся в сторону входа в монастырь, изрыв когтями землю возле каменистой дорожки, где открылась дверь. Солдаты, облачённые в матовую металлическую броню хлынули во внутренний двор и Гранд, понимая, что ему ничего не светит, распахнул крылья.

– Вы всё равно проиграли! – прорычало существо, и взмыло в воздух и поддаваясь воле и воздушным потокам стало стремительно удаляться от монастыря.

Солдаты хотели схватиться за луки, убрать короткие имперские мечи, но не стали ничего делать. Вместо этого два десятка воинов, в плотной стальной броне, шлемами с чёрными пышными гребнями, встали на месте и у входа в монастырь, представленного одной дверью в стене.

Азариэль подошёл к Варкут'нель-Гайну и встал рядом с ним, высматривая, что будет дальше и дивясь тому, что тут делают имперские солдаты.

Тут же зашёл ещё один человек, отличный от других. На нём тяжёлая имперская броня северного типа – сверкающие пластины брони покрыты меховым плащом, который прикреплен с капюшоном, что скрыл лицо.

– А вот и ты, – раздался голос странного человека, что коснулся одежды, скрывшей его лик и откинул его, являя морщинистое лицо, длинные седые волосы с бородой, – что ж, я думал, что ты будешь здесь.

– Кто вы? – Азариэль взгляделся в черты лица, мучительно пытаясь вспомнить, где его мог видеть.

– Вспомни таверну месяц назад.

– Гюнтер фон Мортис? – неуверенно спросил Азариэль. – Вы ли это?

– Да, мой друг. – человек стал расхаживать из стороны в сторону, надменно размышляя. – Я так и думал, что ты будешь здесь волочить здесь свою жизнь, ибо ты не явился в канцелярию тогда. Что ж, это весьма печально, ибо у нас снова проблема.

– Это не моё дело, Гюнтер, – спокойно сказал эльф, подавив вспыхнувший гнев от того, что он понял – сейчас его попытаются вытащить на свет Империи и использовать в целях державы; парень поднял руки и тихо вымолвил. – Я отстранился от дел мира, с меня больше нет спроса.

– Ты видел эту тварь? А, Азариэль? Странная мутация крылатого сумрака, или игра даэдра? – с напором заговорил Гюнтер. – Мы его выслеживали полмесяца, разведка Легиона обнаружила, что какая-то крылатая тварь разоряет заброшенные остатки алессианских храмов. Когда в последний раз она разорила одно из святилищ и направилась «в сторону юга Коловии», мы ринулись сюда... и как оказалось, вразравду. Его цели – алессианские храмы.

– А я тут причём? Вы меня вообще хотели привлечь для поиска артефакта с Акавира, господин Гюнтер. Я тут вам не помощник.

– Нет, мой друг, – недовольно высказался имперец. – Ещё как причём. Эта тварь, видимо охотится за последователями вашего культа... а вы, похоже, во всём Тамриэле – последние,

и ты ещё можешь собрать своих друзей. Мы должны поймать это существо, а потом выйдем на того, кто его послал. И помимо этого какие-то сектанты у Хаммерфелла увеличивают своё влияние, появившиеся одновременно с ним. У меня не осталось ресурсов для деятельности,

– Простите, – Азариэль уверенно отвечает, в нём нет и крупницы желания возвращаться к битвам, войнам и крови. – Я не могу. С меня хватит.

– Послушай! – рявкнул Гюнтер, – ты пойдёшь со мной. Мне сейчас не до наставлений и всяких убеждений, – имперец поднял руки, и солдаты в один момент лязгнули клинками, обнажив их наголо. – У меня приказ от Регента и мне всё равно, хочешь ты или нет.

Доселе слушавший спокойно учитель сделал пару шагов вперёд. В его пальцах зажата бумага, которую он поднял перед собой, и она растерзала свою материальную сущность, став пламенем, которое можно рассеять бурей.

– Я не желаю вам зла, – стал мерно говорить Варкут'нель-Гайн. – Но вы станете ничего ладить против нас, иначе я вас отправлю на встречу к «амаралдане'ада».

– Хорошо, – тут же сказал Гюнтер, не желая пытаться одолеть сокрушительную магию разрушения. – Ступайте отсюда, но знайте, что ваш отказ будет иметь... далеко идущие последствия.

Варкут'нель-Гайн кивнул отошёл в сторону, где его приостановил ученик.

– Что будем делать? – обеспокоено спросил Азариэль.

– Нам надобно отправляться. Скоро тут будет не продохнуться от имперских солдат... он сказал, что в Хаммерфелле появилась секта. Вот и узнаем о ней. А теперь собираемся и уходим.

– Господин, – тихо обратился один из солдат. – Зачем вы пытались завербовать этого эльфа? Это всё из-за его прошлых заслуг?

– Заслуги? Они ничего не стоят, солдат. Только опыт и сила. И сейчас мне бы он понадобился... с его мечом.

Глава вторая. Последнее задание Имперской Разведки

Вечером этого дня. Кватч.

В полутьме зала таверны «Благословение девяти», за простеньким столиком, черноволосый мужчина в кожаной куртке, из такого же материала сапогах и штанах, с белой рубахой на теле, мирно заканчивает трапезу, добывая скромный ужин. Септимов у него хватило только на кусок старого капустного пирога, стакан воды и на комнатку до утра. Фляга, что рядом на столе и заполнить её нечем, не говоря уже о мечтах про то, чтобы увеселить себя глотком пива или вина. Если парень ничего не найдёт завтра, чем бы набить карманы, то ему придётся спать на улице или на берегах у залива... либо выпрашивать койки в храме Единого за какую-нибудь незамысловатую работу.

Парень снова обвёл взглядом всех собравшихся – люди, меры и «звери» предаются радостным возлияниям, пока он есть пищу бедняков, но одного взгляда на красивое блестящее кольцо, обившее золотом с красным камнем посреди, палец, вносит успокоение в его сердце.

Человек, смотря на кольцо вспомнил огонь и любовь, боль потери и радость обретений, для него это не просто украшение, а вечное напоминание о том, кого он потерял в безумной битве за иллюзии и грёзы.

Внезапно за его столик присел человек, на котором всю одежду скрыла чёрная накидка и только грудь показывает блеск тяжёлого доспеха имперского легиона. Верхняя часть лица скрыта за тьмой капюшона, и только седая стриженная борода проглядывается.

– Какой сегодня прекрасный день, – приниженным голосом заговорил странный человек. – И что такой человек как вы, с такими талантами, здесь забыл?

– Кто вы? – глазами, полными удивления и смущения, посмотрел на незнакомца мужчина.

– Я думаю мы знакомы. Последние годы жизни вашего Ордена вы активно сотрудничали с нами.

– Имперская Легионная Разведка? – в замешательстве говорит мужчина. – Гюнтер фон Мортис? Не может быть. У нас же больше нет дел.

– Да, Ариан, это я. И у нас снова есть дело... только не к Ордену, а к тебе.

– Как вы меня нашли? Да и зачем я вам вообще понадобился? – Ариан доел кусок пирога и запил его водой в ожидании ответа.

– После того, как в Анвиле объявился человек, который уничтожил логовище вампиров для графа, а затем раскрыл культ Боэтии и сдал его властям, было решено узнать, кто это, – в холодном голосе Гюнтера Ариан поймал частицу самодовольства. – И мы нашли тебя... такие персоны с такими способностями не могут не вызвать интереса у нас.

– Что вам нужно, Гюнтер? Вы бы не пришли ко мне, если бы не было нужды.

– Пока меня сюда несло заклинание телепортации, – грустно заговорил Гюнтер, – было время подумать. Наша Разведка переживает не лучшие времена. Созданная Рыцарем дракона по Сиродилу десяток лет назад, может быть закрыта императором, потому что в Клинках он видит больше перспективы.

– Ваше дело – не моё, – фыркнул Ариан.

Гюнтер достал из-под плаща мешочек, набитый монетами и тот со звоном приземлился на стол. Ариан прикинул, что тут не меньше сотни септимов.

– Отправляйся в Рихад. Там судя по данным, обосновался новый культ Ильгамеша. Ты разумеешь его цели и связи. У меня есть подозрение, что он связан с радикальными сектами даэдра, которые устраивают нападения... ты как, согласен помочь родине?

Только упоминание того, что культ возможно служит нечестивым принцам потустороннего мира хватило бы, чтобы возбудить Ариана на это дело. Старая травма души, незаживающая рана души взывает болью к тому, чтобы он сдал секту властям, либо собственноручно отправил её на встречу даэдра. Перед глазами на мгновение загорелись образы... Орден, Цитадель, кровавая битва с бывшими братьями и сестрами, и кровь Алитии на его руках. Сглотнув и оттолкнув печаль, сжавшуюся в груди и у горла свинцовым комом, он даёт ответ:

– Да, господин Гюнтер, я всё сделаю.

– Вот и хорошо, – чуть улыбнулся имперский агент.

– А что у вас с разведкой? Вы как-то изменили свою структуру?

– Да что тут рассказывать. Пока сиродильский Рыцарь дракона нам покровительствует, всё в порядке. Я, как глава Легионной разведки, могу пару-тройку центурий использовать для себя, но не более. А так же на мне целый штат согладатаев и разведчиков, в двух управлениях.

– Вы же в составе Легиона?

– Нет, мы отдельное подразделение.

– Почему вас решили прикрыть? – удивлённо спросил Ариан.

– Клинки и разведывательные подразделения внутри самого Легиона, как говорит император намного эффективнее нас. Я в своё время служил легатом в Скайрине и очень часто мне помогали именно отдельные отряды разведчиков и независимые агенты, – Гюнтер немного призадумался. – Я и ходатайствовал перед государем под покровительством Рыцаря дракона, чтобы он тайно создал отдельную воинскую организацию из части легионеров.

– И как?

– Дали добро. Знаешь, – в словах Гюнтера Ариан уловил скользкую печаль. – Пускай нас расформируют. Поверь, это дело не для нас... не для разведчиков, не для обычных согладатаев. Пусть этим занимаются в полной мере Клинки. А я? Я бы хотел отдохнуть.

– О чём ты говоришь? – удивился Ариан.

– Я был бы рад, если бы это стало моим последним заданием, Ариан. Найдём доказательства на культ, накроем его и всё... пора расходится.

– Я тебя не узнаю. То ты нам помогал, то радел насчёт безопасности страны, то уходишь от этого?

– Не уйду. Просто мы в последнее время сталкиваемся с тем, что лучше для Клинков. Секты, тёмные силы, даэдра... мои разведчики сходят с ума, согладатаи развращаются. Поэтому я говорю – это лучше для Клинков.

– Тогда, – Ариан поднялся со стула. – Пусть это будет нашим последним и самым... запоминающимся заданием.

Глава третья. Проповедники Единого

Спустя три дня. У горда Норт Холл.

Двое бредут через бескрайние просторы Хаммерфелла, продвигаясь всё глубже к сердцу провинции. Лошадьми, повозками и пешком они шествовали по дорогам Тамриэля, выступив из древнего монастыря.

Азариэль, облачённый в лёгкий псевдокожаный доспех, который скрыл под чёрным покрытием плечи и торс, пылая на груди символом ромба. Ноги защищены сапогами до колен, тёмными тканевыми штанами, а на верхнюю часть тела ласково легла шёлковая рубаха. На поясе подёргивается несколько сумок, с его старым клинком, который спрятан в ножны.

Рядом с ним по пыльной дороге идёт высокий мужчина в чёрном плаще с капюшоном, который настигается на тёмный балахон, укреплённый одной лишь нагрудной пластиной из утемнённого малахита. В его руках посох, а на поясе болтается пара больших сумок, ремнями перекинутых через плечи.

Над их головами зиждется яркое солнце, которое в полдень светит особенно сильно, поливая землю теплом и лучами света. Азариэль смотрит в небо, недовольно понимая, что ни дождя, ни ветринки не будет. Жажда иссушающей рукой трепет его за горло и сил в нём будто бы не осталось, последняя влага из организма выходит ручейками пота по золотистой коже.

– Учитель, – волнение на третий день путешествие взяло Азариэля. – А правильно мы ли идём? За это время мы только с вами молились, но вы ничего так и не сказали, куда мы идём?

Молодой эльф не рад тому, что пришлось покинуть монастырь. Там он занимался изучением Писания, приятного для него, да и просто мог спокойно жить, а теперь снова его засасывает в водоворот событий. Кто эта крылатая тварь? Что за новая секта? Что хотел Гюнтер? Все эти вопросы не дают покоя Азариэлю. Он только вынырнул из тяжёлого периода в жизни, только закончился для него шестилетней путь неопита, рыцаря, скитальца, воина с нечистью и проклятого, но надежды на прошлых так и не предвидится. Кто же ещё посмел нарушить покой этого мира, что даже его учитель решился оставить покой уединения и пуститься в гущу событий.

– Учитель? – снова вопрошает парень.

– Единый мне говорит, чтобы я шёл в город Рихад, – заговорил Варкут'нель-Гайн и голос его, как всегда строгий. – Там пребывает мерзость, которую ратоборец имперский хочет извести, но не может.

– Почему не может?

– Закон Империи не видит в новых проповедниках искривлённой лживой религии ничего страшного, ибо они не сделали ничего плохого. Но это обман, ибо всему жуткому только предстоит свершиться, – грозно заключил Варкут'нель-Гайн. – Империя борется с отростками припешников зла, ставшими радикальными, но не узрит корня, ибо всё око государево вбирает на восток.

– И в чём же их цели, учитель?

– Всяк стремится ради власти собственной, но не эти. У этих иная цель, ибо желают они исполнить волю господина своего. А господин их один «ада» даэдрических, который не желает оставлять планов по покорению Тамриэля, – глас мужчины, бредущего со стоицизмом через марево Хаммерфелла, становится всё строже, его посох постукивает по камню дороге в такт словам. – Мы обязаны отвратить народ от мерзкого почитания зла, ибо тогда миру грозит опасность. Мы идём, чтобы отвратить их от ереси, чтобы спасти от гибели слабых, немощных жителей Тамриэля.

– И куда же сейчас нас ведёт путь?

– Сейчас мы взойдём в Норт Холл, дабы объявить о проповеди покаяния. Чувствую я, что край этот может стать оплотом нового губительного поклонения тому, что уже пытался захватить Тамриэль во времена эпохи многоцарствия и альянсов.

Азариэль вспомнил историю и с лёгким трепетом встретил образы, которые являлись ему в момент чтения учебников по истории второй эры. Вторжение орд даэдрического принца уже было и оно прошлось разрушительным огнём по Сиродилу, но когда горят огни в храме Единого этого не может случиться больше.

– Но если Люцию, тому, кто соединил в себе все силы всех принцев, не удалось выполнить заветную мечту даэдра, как с этим справится один принц? – подивился парень, утирая пот со лба и взирая на пустоши, бескрайние и слепящие сухостью песка. – Да и как он прорвётся, пока горят огни в храме Единого?

– После поражения Люция сделалась распря между даэдра, и никто боле не восхотел водиться друг с другом, но Единый говорит, что Молаг Бал сильнее всех возжелал довершить начатое Люцием и послал своего любимого даэдрапоклонника по имени Ильгамеш, сделав его лже-пророком, который понесёт яд в мир.

Азариэль с удивлением вспомнил свой сон, но не стал его озвучивать, понимая, что это могут быть пути Вермины.

– Драконьи Единого...

– А насчёт огней... это последний акт почтения тамриэльцев Единому. Мало кто помнит, что это за Единый, но огни Его, есть огни договора, подтверждённые свидетелем – Акатошем. Порой так и говорят, что это союз с Акатошем, но как они могут возгореться не в храме Акатоша, а пылают в храме Единого? – грозно рассказал мужчина и продолжил мерный ход в полной тишине.

Ступая ещё полчаса по дороге они приблизились к городку, именуемому Норт Холлом, но до него всё ещё далеко, ибо манящими видами он касается очей за полкилометра. Понадобилось ещё немного времени, чтобы двое оказались в прохладной тени строений, которые исполнены в сиро-хаммерфьельском стиле. Азариэль впервые увидел бежево-серые постройки из глины и обожжённого кирпича, но выполненные в грубом и чуждом для этих мест стиле, присущим сиродильцам скорее. Часть зданий не пестрит изящными формами Хаммерфелла, вместо это сторожевая башня и первые строения прямы и квадратичны, без арок, колонн и резных деталей архитектуры.

Трепетно Азариэль встретил этот городок ещё чувственнее его сердце забилося, когда увидел множество смуглых людей в светлых лёгких одеждах, блуждающих в тени домов. Тут же он увидел и пару стражников, что патрулируют край города, неся деревянные щиты и короткие копья, «закованные» в легчайшие доспехи, представленные лишь нагрудными пластинами из лёгкой стали.

– Стоять! – раздался крик сверху, и странники узрели как на них грозно смотрит один из охранников входа в град. – Кто вы? Зачем идёте?

– Мы обычные путники! – ответ взял Варкут'нель-Гайн. – Хотим набрать воды, прикупить товаров и найти ночлег.

Стражник по-видимому скрылся с верхотуры башни и спустя пару минут он уже стоял перед пилигримами. Азариэль удивился, когда увидел, что перед ними мужчина нордской внешности, с крупным лицом и светлыми русыми волосами, да поглядывает на них голубыми очами.

– Путники, говорите. Как-то неделю назад один человек прибыл к нам. Он тоже говорил, что недолго ютиться тут будет, да засел на семь дней и пудрит головы народу честному... даже нашему градоначальнику всё словами перепутал в душе, отчего тот стал похож больше на кабеля, – недовольство так и проистекает из уст стражника.

– О чём вы молвите, милсдарь?

– Да, эта гадость месяц назад в Рихаде засела, оттуда эти чернокапюшонники и ходят, народ смущают, – стражник приложил руку к подбородку, на запястьях обтянутую наручами. – Пришёл один и сколько говорит... убеждает народ, что мол, можно оскотниться до самого низа, что государства в скором времени не понадобятся и что надобно приносить жертву новому божеству Ильгамешу... только вот учился я и чую, что это всё даэдрической ересью пахнет.

– А где его можно найти?

– Да он только и делает, что трюндит на главной площади... это недалеко. Ступайте вперёд, к ней и выйдите, но только аккуратнее... возле него много фанатиков собралось.

Двое направились вглубь города, как Азариэля привлекли зазывания торговли, и он едва ли не утянул учителя с собой к прилавку. У простенькой лавки для продажи с навесом стоит полноватый кареглазый смуглый мужчина, и призывает всех купить свой товар.

– Чем торговлю ведёте?

– Дайте воды! – перебил Варкут'нель-Гайна Азариэль.

– О, добрые путники, – с добротой заговорил торговец и протянул эльфу бутылку, которая тут же была схвачена золотокожей рукой и прижата горлышком к сухим губам. – Я Зариф, местный торговец, спрашивайте, что вы хотите или покупайте.

– Двадцать медняков хватит? – бодро спросил альтмер, осушив бутылку и протягивая горсть звенящих монет.

– Конечно, добрый господин, – деньги «слизнул» с ладони мягкой рукой торговец и спрятал их в кармане.

– Кинжал северной работы? – удивился Азариэль, увидев оружие на прилавке торговца, мирно ютящееся рядом с книгами, зельями и бытовыми принадлежностями.

– О, господин, – в глазах купца воссияли огоньки торгового азарта, – слышали ли вы о великих воинах с севера? От них я получил это оружие. Лирою и Готфридом именуемые.

Душа молодого эльфа вздрогнула, наполнилась светом, теплом и приятным чувством в груди, когда он услышал о знакомой девушке и друге.

«Лири, она тут тоже здесь? А Готфрид? Он же хотел служить в Хай Роке? То, что они могут быть тут шанс... малый. Но что это если всё-таки она? О, Единый, как бы я хотел её снова увидеть».

Девушка, которую некогда знал парень, которую любил, могла быть тут, рядом, и он желал бы продолжить разговор с торговцем, желал бы всё узнать об этом и сердце его разразилось страшной тоской, когда он справа ощутил тяжёлую ладонь своего учителя и услышал его глас:

– Азариэль, – Варкут'нель-Гайн взял парня за плечо и настойчиво его потянул за собой.

Альтмер, понимает, что он обязан следовать за наставником, ибо для спасения души от тлетворного влияния клятв и деяний прошлого, которые обрекли его на посмертное служение тьме. Он сам дал обеты в день своего посвящения, поклялся служить делу возрождения веры и теперь, чтобы их исполнить он вступит в бой с новым злом.

«Но зачем мне это нужно?» – родилась бунтарская мысль в уме Азариэля, но он тут же от неё отмахнулся, понимая, что назад нет дороги.

Они скрылись в глубине городка, аккуратно ступая по мощённой улице, углубляясь в него и продвигаясь к площади. Варкут'нель-Гайн заметил, что лицо его ученика сделалось хмурым, а в глазах селится печаль.

– Азариэль... смыслю, что чувства тебя гложут, что ты желаешь быть с той девой, но нас ждёт наше предназначение.

– Я понимаю, просто...

– Не нужно молвить. Доверь свои печали Единому.

Пройдя ещё десяток метров они прошли в сердце города, представленное небольшой площадью, где глаз радует пара традиционно хаммерфельских строения, в виде одноэтажных домиков и двухэтажной виллы градоначальника, обнесённой стенами и которые «венчаются» воротами.

Там, у маленького фонтана, где играя с солнцем поверхностью, журчит немного воды, стоит высокая фигура, облачённые в чёрный балахон. Рядом с ней четверо воинов в одежках пустыни – серые рубахи с кожаными жилетами на них и объёмные штаны, уходящие под невысокие сапоги. Каждый из них несёт на бедре по ятагану.

Азариэль выхватил среди них ещё одно существо – ниже всех, словно карлик. Зелёнокожее существо с заострёнными ушами и клыкастой пастью одето не в шкуры, а в тёмно-синий камзол, расшитый золотом, и штаны из ткани. Только его лапы оголены, и он перемежается с ноги на ногу, не давая нагретой брусчатке его сильно обжечь. Его верхние конечности связаны.

– Слушай вольное племя, слушай народ, стадо для фермы свободы! – стал взывать проповедник к народу. – Внемли мне, пастырю от пастырей свободы! Я вам неделю говорю, что вы отказались от своих идеи и приняли то, что несомо мной, ибо поклонение Ильгамешу есть путь к исполнению ваших желаний.

Люди и несколько эльфов, как замороженные слушают странные речи. Он словно пленил их сладостью, которая течёт из них и пьянит обещаниями от грядущих благ. Полтора десятка человек будто бы под гипнозом – смотрят только на него, выгнулись вперёд и кажется, что вот-вот откроют рты, потеряв связь с реальностью.

– Ещё один безумец, говорящими о свободе? – поинтересовался Азариэль у учителя.

– Давай с ним поговорим, – служитель Единого сделал шаги в проповеднику, стуча посохом о брусчатку, переманивая взоры на себя; он уверенно шагает к распространителю нового учения, и всё больше людей, слушающих пришедшего из Рихада, приковываются взглядом к страннику, который отбросил с главы своей капюшон, показывая старое лицо. – Скажи, странник, словотворец, по чём ты народ смущаешь? Во имя кого призываешь оставить старое?

– Я – проповедник новой веры, я несу слово Ильгамеша в массы и призываю их разделить его, ибо грядёт новая эра, где Ильгамеш станет почитаемым лицом и делателем всякого благостного для чувств дела! – горделиво объявил вещатель в чёрном и простёр свои руки к Варкут'нель-Гайну.

– Кто такой Ильгамеш?

– Он тот, кто служит нашему славному вершителю всякой интриги и порабощению свободе и освобождению от рабства, – лукавая речь говорящего насыщена его самодовольством и бахвальством. – Ильгамеш – наш верховный жрец с востока, который практически вознёсся в бога, который сотворил чудеса с силой нашего бога и послал нас на проповедь, дабы мы несли слово в Империю.

– И о чём же проповедует ваш Ильгамеш? – Варкут'нель-Гайн взял посох в другую руку, правой же провёл по бороде. – Расскажи нам, в чём смысл реченного им.

– Он несёт слово для всех, чтобы мы вкусили плоды благостней его. И сказал он нам – выбирайте в веру себе любое божество, воздвигайте себе любые культы и пантеоны, ибо так говорит Ильгамеш.

– А если людям должно поклониться даэдра или Ситису? А если народ возведёт себе учение антигосударево?

– Хм-м-м, – прорычал проповедник и продолжил, уйдя от ответа. – А ещё Ильгамеш говорит, чтобы мы оставили всякую ветхую мораль, и предались тому, чему нас учат некоторые принцы обливионские, не несущие зла прямого нам!

– То есть, вы хотите устроить сангвиново пиршество?

– А что в этом плохого? – усмехнулся проповедник.

Азариэль уже слышал эти речи и мотив слов ильгаметянина ему знаком. Тогда в его Ордене всё так и начиналось, а затем он пал, был разорван в клочья, как первая преграда Люция на пути к власти и могуществу. Чёрная мантия говорящего отразилась в воображении той тьмой и легионами дремор, накрывших остров, а идеи – сутью учения, которое распространял Люций. Только сейчас эта гнусь идёт не в тайне, а вышла наружу и стремится пленить умы многих. Раньше её разносчики сидели в тайне, вели скрытую борьбу, собирая и укравшая от ока Империи целые культы и секты, а теперь ведётся война явная и Азариэля интересует только один вопрос.

– Суть его учения в том, чтобы уподобиться Идеальным Повелителям в чём-то... они разорвали узы смертных плотских оков и стали совершенными.

– Идеальные Повелители? – смутился Варкут'нель-Гайн. – Как говорит Писание, они были магами, которые перевели себя в иную форму бытия. С ними вступал в противоборство один из древних пророков молодого Тамриэля и сказано, что «сделались тела их кристаллическими, а за всякую неправду, и зло, которое они творили, не нашлось места для них в Тамриэле и были низвергнуты они туда, где живут и рыщут тьмы твари». И что же вы нам после этого предлагаете?

– Откажитесь от всего, что вы зовёте правильным и моральным! – с напыщенным самодовольством раскрыл уста противник Варкут'нель-Гайна. – Поклонитесь новому богу, поклонитесь Ильгамешу!

– То есть ты, проповедник Ильгамеша, предлагаешь наплевать на Империю и государя её? В твоих речах есть зерно мысли мятежной, чтобы плёл народ интриги против властей земных?

– Если то потребует Ильгамеш, значит так тому и быть! – яростно прокричал говорящий и голос его стал жесток, а прежнее «добродушие» растаяло. – Империя нам не указ!

– Но это против закона! – заявил во всеуслышание Варкут'нель-Гайн, выведя проповедника к нужной ноте. – Ты – преступник и гнить тебе в камере, пока суд не решит судьбу твою, – слуга Единого простёр руки, вопрошая у всех. – Кто возьмёт преступника? Кто исполнит закон Империи? – и когда все стыдливо замолчали, опустив головы, учитель Азариэля, взяв посох в боевое положение, грозно сказал. – Никто, тогда будет вершино это мной.

– Скажи проповедник, – в диалог вмешался Азариэль, попридержав учителя. – Знаешь ли ты Люция Лириона?

– Некто с таким именем ходил вместе с Ильгамешем и наш пастырь даже упоминал его как одного из дельцов дела нашего.

Азариэлю хватило этого. Он обнажил клинок и тот засиял внутреннем светом, играя солнечной лазурью.

– Так! – на этот раз вершить безумные дела не дал стражник, который встретил двоих у входа в город, подошедший сюда с отделением воинов. – Я не позволю творить в городе беззаконие. Что здесь происходит?

– Этот человек призывает к поклонению даэдра! – клинком Азариэль показал на проповедника, возле которого сомкнулись четверо его охранников.

– Это так? Сидели есть?

– Вся площадь, – подтвердил Варкут'нель-Гайн.

– Арестовать до выяснения всех обстоятельств, – кинул стражник и только стал поворачиваться, как раздался крик:

– Не дадим в беду нашего владыку! – прокричал кто-то из стражников, одурманенных речами оболъстителя, и всё вокруг закружилось, в вихре боя.

Две стороны ударились друг в друга и звон пляшущей стали заполнил всю площадь, возвещая о битве, от которой народ с визгом и воплями стал разбегаться. Азариэль встретил своим мечом ятаган врага, направленный в неумелом взмахе. После чего он второй рукой из кармана односекундно вынул свиток и дал заточённой в нём магии выплеснуться в виде трёх ледя-

ных осколков, которые пронзили врага и отбросили его на обогревшую брусчатку. Стражники щитами встретили копья бывших сослуживцев и ответили своими выпадами, опрокидывая мятежников.

Тем временем Варкут'нель-Гайн встретился с проповедником. Его посох тычком попытался достигнуть тела врага, но тот юрко отскочил право и попытался ранить слугу Единого кинжалами. Но старик оказался не промах и со блокировал удары, после чего широкой дугой задел врага в бог. Посох сокрушил рёбра, и недруг схватился за раненную плоть и кости, пульсирующие жуткой болью, пятясь назад и вынимая магическую бумагу. Через мгновение она стала огнём, чей поток ударил по Варкут'нель-Гайну, но посох, выставленный вперёд уподобился щиту и заклинание развеялось, не поразив цели.

– Единый – моя броня и мой пастырь, Единый ведёт меня и не буду я сражён слугами тьмы! – запел Варкут'нель-Гайн и перешёл в наступление.

Кто-то из стражников пытался защитить своего кумира, но старик отбил выпад копьём и молниеносным ударом оглушил его, «приложив» посох к уху противника. Второй блюститель закона попытался остановить Варкут'нель-Гайна, но Азариэль вовремя подоспел и плечом оттолкнул стражника, не дав копьём поразить учителя. Эльф тут же вывернул щит и раздался крик – слабая рука не смогла удержать обороны. Следующим ударом он пронзил ногу врага, и заставил его лежать в стеновальных болях.

– Ильгамеш покарает! Ильгамеш покарает! – стал вопить поверженный враг, когда боль повалила его на щемлю и через мутнеющей взор он видит, как его охрана опрокинута, и он остался последний.

– Конечно, – Варкут'нель-Гайн остановился возле него и осмотрел поле мимолётной схватки

Сегодня большое везение, из-за тлетворного влияния разносчика нового учения мог кто-то погибнуть, но никто пока не преставился. Кто-то потерял сознание от потери крови, но ими уже занялся местный маг-медик, целящийся от ран и готовящий их на передачу правосудию.

Рядом с Варкут'нель-Гайном встали стражник с русыми волосами и Азариэль, убирающий клинок в ножны. Ревнитель Единого показал посохом на тяжело дышащего проповедника, которые подполз к самому фонтану и стал грозно говорить:

– Закон Империи, за даэдрапоклонничество, предписывает заключение. Подстрекательство к мятежу, сопротивление аресту, попытку убийства, только добавляет к его вине.

– Это не вам решать, – указал стражник. – Он окажется на суде у градоначальника, который и оценит его вину.

– Он! – возопил поверженный, марая брусчатку багрянцем. – Он оценит мои слуги по достоинству!

– Вряд ли, – вставил своё слово Азариэль. – Ваш градоначальник, по вашим словам, благоволит этому человеку. Я бы советовал его отдавать сразу по имперский суд.

– Нет! – закричал враг.

– Ладно, ступайте... мне всё ещё нужно оформить, – растерянно перебирает слова стражник. – Я не думал, что сегодня придётся биться со... своими.

Тем временем народ снова стал стекаться к площади. Пока люди и эльфы подбирались к центру событий, учитель Азариэля занял место проповедника и сам взял пламенное слово:

– Народ Норд Холла! – воззвал Варкут'нель-Гайн с того места, откуда вещал проповедник. – Не видите ли вы, что пошли против Того, кто истинный Отец ваш? Мало того, вы готовы были предать закон Императора и пойти против государства! Вы готовы были стать преступниками, ради обещаний этого еретика!

Пока Варкут'нель-Гайн взывает к народу с призывами покаяния, Азариэль подошёл к тому, кто его интересовал и тут же услышал низкий хриплый, отчётливо мужской голос:

– Эй-эй-эй! Да-да, ты седовласка! – Азариэль кинул удивлённый взгляд на существо, которое упиралось ему едва ли не в бёдра. – Ну что ты вылупил зенки? Никогда говорящего гоблина не видел?

– Честно признаться, нет, – удивился Азариэль.

– Ой да ладно. Меня из родного дома ухватила и воспитала тётка из твоего племени, – в чёрных глазах гоблина Азариэль увидел блеск азарта, чему был поражён, так же и тому, как пасть этого существа выдаёт членораздельную речь.

– Как тебя зовут?

– Круг. Меня звать Круг, – гоблин протянул когтистые лапы, опутанные толстыми канатами. – Слыш, освободи меня, а то я пожать тебе руку не могу.

– Хорошо, – Азариэль достал нож и быстрыми движениями перерезал путы, и протянул свободную руку для рукопожатия; в ответ гоблин смачно плюнул на свою и заключил в объятиях ладоней конечность эльфа, ехидно говоря:

– Ой, да ладно тебе будет. Это братское пожатие! А вообще спасибо, что спасли меня от этих когд. И вы, в рабство они меня взяли, – гоблин, заведя как одного из них проводят рядом в кандалах, не удержался и с разбегу пнул пленника, крича. – Что б тебе рыба кость поперёк горла встала, лишенец!

– Откуда ты, Круг? – Азариэлю пришлось чуть согнуться, чтобы было удобнее разговаривать с гоблином и пытаясь избавиться от удивления тому, что перед ним говорящее существо из этого вида.

– Я жил возле Анвила и как раз шёл в магаз, чтобы купить что-то для хижинки моей, как эти дряни давай меня дразнить. Я то думал, сейчас дам им пинка, но не вышло. Они меня пленили и использовали как кухарку – в пути пожрать им приготовить, сварить чё-нить. Так бы и всыпал им ядовитого колокольчика, токма эти гады давали делать есть им из их продуктов.

После ответа гоблина, закончил обращение к народу Варкут'нель-Гайн, рассказав людям и мерам, что поклонение ложным божествам ничего хорошего не несёт и оставив грозное предостережение, что за всякое нарушение закона, будь государева или духовного, следует кара.

– И куда мы сейчас? – спросил Азариэль.

– Народ Рихада особенно поддался тьме. Предупредим государя того, что зло его окутало.

– О, отлично. Тут за племенем этих людишек, есть отличный телепортер. Он нас и швырнёт куда нужно, – вторгся в разговор гоблин. – Вы чё-то мутите? Я вижу, что вы чё-то мутите. Возьмите меня с собой. Я вам помогу, так сказать за свободу. Да и меня счёты с этими типами.

– Хорошо, – согласился Варкут'нель-Гайн. – Веди нас к своему телепортеру.

Глава четвёртая. «Очи Империи»

Вечер. Рихад.

По сравнению с гигантами Империи, это средний портовый городок, в котором народ занимается торговлей, ремеслом, а чуть южнее разбросаны его поля для земледелия, которое полностью зависит от дождей и ирригационных систем. За пустынно-бежевыми стенами кипит жизнь городская и одному из людей предстоит узнать, распробовать новое бытие этого града.

Мужчина, в несменяемом облачении – укреплённой изнутри эбонитовыми пластинами, кожаной куртке с штанами, которые пронизаны мифрило-магическими нитями, сапогами и рубахой, сотканной из зачарованного шёлка, идёт по его вечерним улицам. На его глаза попадают самые разные строения – от хаммерфелльских таверн и храмов, до псевдосиродильских домов в цвете охры, с покрашенными в алые и синие цвета фасадами. Под ногами мерно постукивает каблук о серо-чёрную плитку. Это отличительная черта этого города – его плитка, которая сделана из чёрного и серого камня и настилающая всё подножье.

Ариан внимательно смотрит, его интересуют детали, мельчайшие изменения и отклонения, которые могут показаться странными... с виду всё нормально, всё, как и в любом имперском городе, но эта «нормальность» не более чем иллюзия. Метким взором парень заметил, что большинство жителей носят мелкие украшения или делают татуировки с изображением двух крыльев. Мужчина среди толпы всё время встречал людей, которые облачены в чёрные балахоны с капюшонами, отличными от тех, которые носят жрецы культа девяти. Его глаз заметил, что у некоторых храмах, где раньше проходили ритуалы и обряды во имя девяти, сейчас бродят люди в тёмных доспехах, а сами храмы стали более закрытиями, словно уподобились вместилищами тайных мистерий. Меньше народу возле них, сами жрецы не прокидают капищ и переодели в неприветливые наряды. Местами то и дело попадались рисунки буквы «I» и двух крыльев, промеж которых пустота

Но глаза ещё не многое скажут, ибо бывший разведчик доверяет и ушам, которые среди рыночных пересудов, криков стражи и брани мужиков, выхватывали странные напевы и бормотание. Ариан пытается раскрыть их сущность и собирает в единые строки, улавливая суть того, что все они воспевают хвалу какому-то Ильгамешу.

Всё это странно для того, кто годами охотился за еретиками, обнаруживал их и выслеживал, чтобы потом дать Империи вершить правосудие. Раньше они прятались и вели тихую пропаганду, заманивая по одному в свои культы, а тут целый город оказался под их влиянием.

Пройдя ещё несколько метров он всё также тихо идёт по дороге и выискивает, где может быть убежище секты. Но видя, что огромное количество людей уже поддавалось влиянию тьмы, Ариан не видит смысла искать штаб-квартиру в старых домах или под землёй, ибо с такой силой главы у самих царских ног уже ходят и наставляют государя на а вступление в свою веру.

Ариан свернул с улицы, где впереди показался силуэт проповедников в чёрном и оказался возле небольшой часовни, посвящённой Акатошу. Желая сокрыться с улицы и перевести дух, он забирается в неё и пройдя за деревянный двери оказывается перед фресками, изображающими дракона. Парень вспомнил, что перед походом в город, Гюнтер снабдил его деньгами и информацией, сказав, что в часовне Акатоша его будет ждать помощник и второй агент, вместе с которым они станут двумя глазами императора в этой местности.

Там, в полутьме часовни, где единственным источником света служит подсвечник, Ариан смог приметить кого-то, кто прячется в тени. Он поднялся и выступил на свет, давая узреть свою одежду – тёмно-синюю мантию, покрывшую просторный стихарь.

– Кто ты странник? – раздался спокойный вопрос. – Хочешь ли ты услышать слово Акатоша?

Ариан узнал эти слова. Гюнтер предупреждал его, что агент назовёт какие-то слова, пароль, для того, чтобы узнать второго слугу Империи.

– Как только солнце взойдёт над Рихадом, – ответил мужчина.

– Ах, ты тот, кого мне послал Гюнтер? – усмехнулся второй парень. – Я думал, ты будешь повыше.

– Сейчас не до вот этих притерёк, – отмахнулся Ариан. – Что ты можешь рассказать про культ Ильгамеша? Мне нужна информация, чтобы мы начали сбор информации и подловили их на деле.

– Хорошо, – выдохнул имперский агент. – Они весьма агрессивны и искусны в языке. О них никто и не подозревал месяц назад, и даже в этот город они прибыли три недели назад. Им удалось достичь успехов за крайне короткое время. Если они начинали с пары проповедников, то сейчас у них целый придворцовый штат жрецов.

– Как? Как они могли всего за несколько недель устроить тут базу для своего культа?

– Жена царя города вступила одна из первых в этот культ и теперь при её покровительстве сектанты чувствуют себя очень хорошо, – агент подбросил монету и Ариан словил блестяшку. – Вот этим она купила местную знать, торговцам дала льготы, а обычный люд возжелал получать удовольствия на их ритуалах... я никогда не участвовал в их священнодействиях, но говорят, что они сопровождаются пирами и... оргиями, – с вкрапинами омерзения сказал человек.

– Гражданские власти на их стороне... это печально, но Империя не обратит на это внимания, пока они не поднимут прямого мятежа или не нарушат грубо её закона, – Ариан задумался, сложив руки на груди. – А что с их иерархией? Удалось что-то узнать? Есть интересное?

– Обычный культ... у них есть проповедники, которые говорят без продыху, есть охрана, есть управляющий круг, а есть те, которые курируют тех... жрецов, которые раньше служили другим богам.

– Переманивание?

– Да-а-а, – протянул агент, углубляясь снова в тень. – Некоторые из служителей богов перешло со всей своей паствой в культ Ильгамеша и теперь ему творят поклоны. В общем, местное духовенство они тоже под себя подмяли.

Ариан опустил руки и втянул тёплый воздух, пропитанный приятными благовониями часовни. Бывший шпион Ордена был бы рад заняться делом выявления заговоров, но боль от потери от прошлой «работы» шипом ютится у сердца и доставляет боль от одной мысли. Нордлинг знает, что это неприятное ощущение от пережитого, триггер, отсылающий к прошлому, но Ариан понимает, что если сейчас не остановить этот культ, то он может поглотить регион, провинцию, и всю Империю.

– Как ты стал настоятелем часовни?

– Гюнтер постарался, – ответил и тут же спросил агент. – Что мы будем делать?

– Сначала нужно проникнуть на одно из их закрытых... мероприятий, чтобы найти чем их дискредитировать перед имперским законом. Что ж... завтра начнём.

Глава пятая. Перед ликом государевым

Следующее утро. Рихад.

Азариэль устало поднялся с кровати. Он не смог нормально поспать, ибо его изводили странные сны, пол большей части это были кошмары – холодные острозаточенные пики гор, хлад и невероятная синяя пепельно-удушающая печаль его пленили во сне. Но с первыми лучами солнца ниспали оковы тёмного мрака, и Азариэль смог проснуться, чтобы продолжить нести праведную миссию.

Парень встал с ложа и тут же преклонил одно колено, повинуясь внутреннему установлению, которое желает быть исполненным:

– Единый, слава Тебе за то, что дал пробудиться и сохранил меня во сне. Помогите мне в день грядущий и слава Тебе за всё.

Альтмер поднялся с колена по завершению утренней молитвы и посмотрел на тумбочку у кровати, где положены их сумки и его доспехи с мечом. Их комнатка весьма небольшая, тесная и неудобная, но это всё, что могли позволить себе путники за несколько десятком серебряных септимов.

Они пришли сюда ночью, идя практически весь оставшийся день... оказалось, что тот самый «телепортер» о котором говорил гоблин оказался плохо настроенных алтарём перемещений, который перенёс их не к городу, а в пустоши возле и им пришлось топтать до самой ночи. И зайдя в город, они нашли первую попавшуюся гостиницу, чтобы предаться сну.

Храп, сильное храпение заполнило комнатку с единственным окном, и Азариэль бросил взгляд на гоблина, сопящего на лежанке. Вторая лежанка пуста, видимо Варкут'нель-Гайн встал рано утром и куда-то ушёл.

Парень вдохнул, ощущая нотки свежее испеченного хлеба, который тянется снизу, ощутив, как его желудок возвестил о голоде сильным урчанием. Азариэль подобрался к гоблину и растормошил его.

– Ай-ай-ай! – возопил Круг. – Отвали от меня! Ещё целое утро, дай подрыхнуть.

– Вставай! – сильнее пихнул его эльф. – Нам нужно вставать... Варкут'нель-Гайн куда-то делся.

– Да видать жрать пошёл. Объявится ещё! – Круг всё же смог оторваться от лежанки, и занять сидячее положение с прищуром всматриваясь в окно. – И что мы тут забыли?

– Ты же сам рвался отомстить за унижение? – с этими словами Азариэль стал надевать на себя кирасу. – Или ты уже передумал? А этот город, судя-по всему, оплот этих... даже не знаю, как назвать.

– Да всё я ещё хочу. Просто скорее бы ворваться в бой и надавать им по рыльцу, – гоблин раскрыл клыкастую пасть в зевке, словно бы тянясь за чем-что, чтобы укусить. – Но токма не знаю кому.

– Ты хоть драться умеешь, воин? А то собрался он сражаться. – Азариэль, полностью облачившись, протянул кинжал эльфийской работы гоблину – золотисто-серебряное оружие тут же оказалось в лапах Круга.

– Вот это побрякушка! – раздалось слова восхищения. – Мне б мастерскую, да лута побольше, вот бы я наработал.

– Ты что? Инженер?

– Меня маманя обучила этому делу... она хоть была из твоего племени, но любила соорудить что-нибудь, руками смастерить что-нить.

– И чтобы ты мог соорудить? – Азариэль спрятал меч в ножны.

– Да есть пара игрушек, – гоблин спрятал кинжал. – Но сейчас не об этом, нужно что-нибудь в рот закинуть и брюхо набить.

– Ты прав, Круг, но меня волнует то, куда делся мой учитель, – после этого Азариэль прильнул к окну, смотря на град.

– Да ладно те... вернётся же! – гоблин встал рядом с эльфом и подцепившись когтями дал забраться себе на подоконник; через мгновение его лапы припали к стеклу, а взгляд тёмных глаз стал бегать по улицам и предался диву. – Во, вот это племя, вот эта хижина, но с Анвиллом не сравнится!

– Дома это называется, а не хижина, и не племя, а город, – Азариэль строг, он потянулся к одной из своих сумок и подцепив её нашёл там толстую книгу, с синей обложкой и золотисто-потёртой буквой «А», протягивая её гоблину. – На держи.

– Чой-то?

– Это понятийный словарь. Посмотри хоть немного, подучись, а мне нужно идти искать Варкут'нель-Гайна.

Только парень собрался покинуть комнату, как дверь открылась и на её пороге показался мужчина, укутанный в плащ с капюшоном и тёмный балахон. Он сделал шаг вперёд и

– Учитель, – почтительно склонил голову эльф. – Куда вы ходили?

– Посмотреть, что в городе творится, с людьми поговорить, да узнать, что творится в граде сем.

– И что же тут мутиться? – спросил гоблин. – Кого будем мочить?

– Никого, – сдержанно ответил Варкут'нель-Гайн. – Царь этого града впал в ересь поклонения Ильгамешу, и того, кто стоит за ним. Нужно с ним потолковать, убедить, чтобы он отстранился от этого, чтобы вернуть народ к вере истинной.

– Понимаю, – согласился Азариэль, только эльф не совсем полностью разделяет мотивов учителя; парень уже сталкивался с тьмой, уже воевал с ней и знает, к чему может привести эта зараза; Далёкие образы сражений с Люцием дают знать, что будет, если оставить всё это.

Ради этого мира, ради того, чтобы он сохранился Азариэль готов идти до конца. Он уже ощутил милость Единого к нему, когда парень пришёл побитый и душевно-израненный в тот «дом» на юге Коловии.

– Что ж, учитель, вы правы. Если оставить это, то мы можем получить центр даэдрапоклонничества.

– А зачем нам всё это? – раздался голос Круга. – Балакать ещё с кем-то? Найти нужных да набить им мордахи, чтобы неповадно было. Чего с верой-то таскаться?

– А затем, что только царь, без вмешательства Империи, может разобраться с ильгаме-тянами, – пояснил Азариэль.

– Круг, раньше в древние доалессианские времена Коловия и прилегающие к ней территории были регионом, который уступал по ревности служения Единому, только восточному и центральному Сиродилу во времена Империи Алессии. И место, на котором вырос этот город, не исключение, – раздались тяжёлые речи Варкут'нель-Гайна. – Потом, когда орден Алессии пал, народ впал в поклонение множеству богов, отбравшись от Единого.

– Ладно-ладно, я только спросил. Чего пафоса столько наводить? – гоблин сложил лапы на груди и задрал голову. – Ну что, когда начинаем?

– Во дворец? – Азариэль обратился к учителю.

– Да, пойдём.

Трое поспешили покинуть таверну, заперев комнату и проплатив её ещё на одни сутки. Там, за пределами прохлады заведения Азариэль встретился с тёплым ветром этих мест, ступил на чёрно-серую плитку и узрел славу города днём.

– И куда нам топтать? – возмутился гоблин.

– Идёмте, – повёл их за собой Варкут'нель-Гайн. – Я покажу дорогу.

Азариэль и гоблин пошли за фигурой в тканевой одежде, которая слегка поддаётся ветру и вьётся под его напором. Молодой эльф, повидавшие многие города Сиродила был в Хай роке и Валенвуде, изумляется смотря на здешние постройки, ибо в хаммерфелльских городах не бывал, а тут перед ним столица целого владения провинции песка, пустынь и ятаганов. Только одно тут смущает – практический каждый горожанин считает должным уставиться на гоблина в штанах и чёрном камзоле... и действительно – мирный представитель этой расы, живущей не в пещере – большая редкость.

Глаз радуется обилие различных строений, ибо тут попадаются и некрашенные квадратные грубые постройки из глины, и их собратья по формам, только с расписными золотисто-алыми, синими и ярко-зелёными фасадами, и утончённые с изысканными формами хаммерфелла роскошные дома и магазины.

Ухо ликует от оживлённости городской жизни. Здесь слышаны зазывания уличных торговцев, которые желают, чтобы каждый прикоснулся к их товару и купил его. Азариэль только может представить, какие вещи продаются в закрытых магазинах, если тут, на прилавках он взглядом цепляет сухие травы, сверкающие стекляшки в которых плещутся зелья, оружие, приправы, набившие мешки, и ещё много чего интересного.

Но не только крик торговцев и здания могут привлечь ухо и глаза, ибо на какой-то из маленьких площадей Азариэль увидел настоящее представление группы актёров, которые исполняли сложный гимнастический номер, факиры поливали всё перед собой огнём, а музыканты за пару монет воспевали славные дни правления царя или же пускались в вихрь инструментальной музыки.

Тут и там Азариэль видит смуглых людей – некоторые совсем темны, а кто-то достаточно светел, ходящих по улицам – кто-то просто гуляет, а кто-то спешит выполнить рабочее поручение. На них лёгкие наряды – лёгкие светлые штаны свободного покроя, туники, свободные рубахи и иногда роскошные платки. Тут встречаются эльфы, но намного меньше, чем редгардов.

Люди тут выглядят воодушевленно и прекрасно – кареглазые темноволосые девушки ходят с подведёнными глазами и румянцем, от мужчин исходит запах цветочных духов. Запахи настолько концентрированы, что у Азариэля защипало в носу от песни ароматов лаванды, горноцвета, лилий и яблок.

– Какой же смрад! – крикнул гоблин, зажимая нос. – Эх и где тут запахи рыбки солёной, или родной пропавшей крысы!

– Крог прав, – тихо сказал Варкут'нель-Гайн. – Духи и косметика – весьма дорогие вещи, чтобы ими сразу воспользовалось столько людей.

– Что вы хотите этим сказать? – Азариэль сравнялся с Варкут'нель-Гайном, обогнав пару человек на дороге. – Многие народы красятся и малюют себя.

– Слеп ты ещё, отрок. Воззри внимательно и увидь, что нигде в Тамриэле так не поступают. Духи и много косметики для этого региона трудновато отыскать. Тут есть зерно ритуалов, не всё так легко.

– Вы считаете, что это сюда завезли культисты Ильгамеша? Но откуда и зачем?

– Одно могу сказать, смердит от них страшно, – завыл гоблин. – Жуткая бодяга.

Азариэль в недоумении продолжил путь. Ничто не говорит о поражении города заразой, которая могла бы его разьесть, даже проповедников в чёрном пока не видать. Странные подводки глаз и духи – вот что беспокоит парня, рождая массу вопросов – для чего всё это нужно и где это производится. Не может же быть просто так всё это сделано, и если у культистов есть цель для всего этого, то какова она.

Пройдя ещё насколько метров по оживлённым тёплым улицам, Варкут'нель-Гайн остановился и оперившись на посох задумался. Парень обеспокоился по учителю и спросил:

– Что-то случилось?

– Знаешь, Азариэль, – странно легко, без тяжести в гласе, прозвучали слова, – я давеча утром зрел какую-то черноволосую северянку в компании норда... мне они показались очень странными для этих мест. Да и от неё сильно пахло розой.

– Учитель? – душа Азариэля «задрожала» вместе с речью. – Что вы хотите сказать?

– Знаешь, ступай на площадь возле ордена Золотой гробницы. В ту сторону удалялись те два человека.

Азариэль встал как оглушённый, не понимая, зачем ему Варкут'нель-Гайн ему это сказал. С одной стороны, парень безмерно рад снова встретить её... ту, которая его спасла от смерти, вытащила его из тюрьмы, проливала кровь в битве с культами, и запала в его сердце в Вейресте. Он до сих пор не может забыть её приятный аромат духов розы, не может разглядеть в сознании её прекрасного лика.

Парень захотел снова обратиться к учителю, но вместо него нашёл лишь пустое место, Варкут'нель-Гайн скрылся в толпе, ушёл за белые дома и вместо него лишь редгарды.

«Зачем?» – этот вопрос повис в уме Азариэля. – «Но ведь это может быть совсем не Лира, и что это за второй норд рядом с ней?».

– Гоблин, – Азариэль бросился к Крогу, который рассматривает один из домов, замороженно пожеывая солёную рыбу, которую стащил в таверне, – ты можешь найти аромат розы в городе?

– Розы-шмозы? – спросив, Крог доел рыбу. – Да я в Анвиле у порта как-то нюхал эти поганые цветочки. Знаешь, настоящая амброзия – это аромат только что зажаренной крыски.

– Так сможешь?

– Попробую.

Азариэль бросился за Крогом, который выставив нос, рыщет, как ищейка, став углубляться куда-то в город. Обнюхивая практически каждого жителя гоблин очень быстро перешёл к чёрно-серым плиточным улицам и фасадам зданий. Горожане и раньше с удивлением оборачивались, заведя цивилизованного гоблина, но когда он стал рыскать, они эльфа с Крогом стали обходить стороной. Стражники, облачённые в лёгкие хаммерфелльские одежды, укреплённые панцирем из кожи, обмотанной в ткани, вооружённые копьями и щитами, с опаской посматривают на то, как гоблин большим носом втягивает местный воздух при этом вынюхивая каждого

– Кхе-кхам! – стал кашлять Крог, побивая себя в грудь. – Если я здохнусь тута, с тебя кхе-кхам, пойло и кхе-кхам и закуска.

– Да хоть стая крыс, – с нетерпением пообещал Азариэль.

– Лов-кхе-кхе ловлю на слове!

Они продолжили идти, медленно обходя улицу за улицей, пока не вышли к одному из хорошо устроенных городских зданий. Это высокое трёхэтажное прямоугольных очертаний строение, сложенное из камня, облицованное притемнённым мрамором, имеющее на фасаде украшение в виде золотых и бирюзовых прямоугольников. Перед деревянной дверью висит тёмно-зелёная вывеска, а ещё дальше виднеется тёмная статуя воина, держащего копьё.

– Н-с-с-с, – с жутким сопением втянул гоблин воздух, набив полную грудь и с разочарованием закончил. – Усё, нет больше розы-шмозы.

Как нет? – удивился Азариэль, встав возле здания и смотря на то, как люди оглядываются на них, не скрывая удивления.

– Ну, вот так вот. Чё ты от меня хошь? Чтоб я телепортнул тя куда-нить по запаху? Не, я не колдун.

Уныние, тень печали коснулись Азариэля и он, уставший от этой погони за духами, присел на рядом стоявшую скамейку. Он понимает, что сейчас предаваться расстройству – не лучший момент, но всё же, упершись желтоватыми ладонями в глаза, он готов всплакнуть... Лира, её призрак, стоял рядом, но ушёл.

Внезапно, дверь отворилось и вышли три человека на палящее хаммерфелльское солнце. В первом Азариэль разглядел знакомое лицо нордлинга, обрамлённое золотистыми волосами. Он в неестественной для этого места одежде – стальной броне скайримского типа, замотанной в ткань, чтобы металл не жёг кожу, но голову его покрывают два плата светлых, за спиной болтается однолезвийная секира. Второй вышел среднего роста мужчина, с утончёнными чертами лица, аккуратной чёрной бородкой и усиками, прилизанный и имеющий на себе дорогую золотисто-пурпурную одежду, с чёрными туфлями. И последней вышла девушка. Черноволосая прекрасная нордка, облачённая в светлую роскошную одежду, которая явно не по карману обычной наёмнице. Красивое красно-белое платье из шёлка, поверх которого эфемерный плащ из лёгких нитей, покрывший тело. Чёрный волос локонами ложиться на плечи, на мир смотрит глубокий пронзительный взор, а прекрасное лицо на секунду обратилось к Азариэлю.

– Лира, – протянул эльф.

– Так вот кого ты рыскал? – То-то я ощутил смрад розы. Так что же ты встал, как гoblin пьяный? Ты самку рыскал свою. Так впер-ё-ёд! Иди давай, не позорь меня! – Круг взялся двумя лапами и толкнул в спину Азариэля со всех сил, подгоняя его к девушке.

Его ноги словно оловянные, от трепета и волнения сердце стучит в грудь и готовится вырваться, его слегка потрясывает о он не понимает почему. Раньше это были лёгкие чувства, а теперь огонь их превратился в пожар. В ней он находит отражения себя... её былой наивности и добрых намерений.

– Лира! – на этот раз более радостно произнёс Азариэль и ускорил шаг, пока не встал возле неё; он с радостью ощутил, как этот вычурный, выделяющийся среди всех запахов, аромат розы, заполнил его лёгкие, улыбка расписала его лицо, и радость разливается в душе светоносным потоком.

Девушка замерла, в самой её душе так же что-то колыхнулось, но в её тёмно-голубых глазах, такой же холод, какой витает в Море призраков. Парень ощутил что-то странное, когда её накрашенные губы распахнулись и зазвучала трезвонная ледяная речь:

– Аз-Азариэль, – дрожат слова.

– Дорогая, кто этот альтмер? – прозвучал вопрос бретонца, его же речь негрубая, голос приятный. – Или ты меня недостаточно просветила в круг твоего общения?

– Да это мой старый друг..., – щёки девушки покраснели, а в её голосе звучал конфуз, – он как-то сражался со мной.

Азариэль сделал шаг назад, в его ушах всё зазвенело, даже показалось, как рядом что-то разбилось. Воин, прошедший ад воин, столкнувшийся с ужасами потустороннего мира, оказался сражён стрелой страсти и только усилием сознания, натугой воли он не дал себе расклеваться. По груди прокатилось странное мерзкое чувство и сердце хочется вырвать, но взмолившись к Единому, эльф устоял.

Вторым вспыхнул гнев, страшная ярость, которая возопила в душе. Рукой Азариэль возжелал обнажить клинок и полосонуть им бретонца, но всё же он удерживает себя от противоправного поступка, сложив руки на груди.

– Дорогая, тебе нужно поговорить с ним? Вам предоставить время или место? Что же скажешь, леди?

– Нет дорогой, – девушка взяла бретонца за правую руку. – Пойдём отсюда.

– Да, норд, – прежде чем уйти, богатый человек швырнул наёмнику кошель, полный денег. – Твоя работа выполнена. Ты – свободен.

Азариэль, на этот раз сбитый с толку и не понимающий, что происходит, вынужден безмолвно наблюдать за тем, как пара удаляется лёгкой походкой; они уходят, взятые взявшись руки и на мгновение альтмеру показалось, что бретонец оглянулся в его сторону и одарил образом коварного взгляда и лукавой улыбки.

В сердце поселилась пустота, вой потерянных надежд и плач, внутреннее рыдание тоской льётся чёрными потоками в душу, сменив яркий «свет». Он бы хотел закричать ей в спину, хотел бы кинуться, но она смотрела на него, как на... чужого.

– Готфрид, – немного выйдя из ступора и вернувшись в реальность прорычал Азариэль. – Что это было?

– Азариэль, друже, я рад видеть.

– Потом... друже, – глубоко дыша, и как будто задыхаясь, тяжело говорит альтмер. – Давай.

– Так шо? Я вижу, не признала тебя твоя краля? Да ладно, новую самку найдёшь себе, – вмешался гоблин, вставший рядом с альтмером.

– Это твой питомец? – спросил Готфрид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.